

Сорокин В.М.Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: vombat54@mail.ru**СЕМИОТИКА ОБРАЗА НЕЗРЯЧЕГО ЧЕЛОВЕКА
В ПРОСТРАНСТВЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА
(М.В. НЕСТЕРОВ «НА РУСИ. ДУША НАРОДА»)**

Психология традиционно использует метод анализа продуктов деятельности и их содержательной стороны. Подобными продуктами выступают произведения искусства, которые редко выступают предметом психологического анализа кроме психологии искусства. В отличие от искусствоведения психологический анализ произведений искусства обращен на воспроизведение самого процесса создания живописного, скульптурного или литературного произведения. Само искусство способно глубоко проникать в явления психического и в ряде случаев делает это эффективнее, чем сама психология. Так сфера чувств, отношений и личности изучены в искусстве более всесторонне, чем в науках о человеке. Обращение психологии к анализу произведений искусства представляет собой взаимодействие двух форм познания – эмоционально-образной и категориально-понятийной. В этом смысле логично обращение психологии дизонтогенеза к анализу художественной репрезентации отношения общества к лицам с отклонениями в развитии. Изобразительное искусство весьма часто обращается к образу больного человека. Мотивы такого обращения могут быть весьма разные. Но чаще всего они связаны с реализацией простых открытых символических образов, хорошо понятных зрителю. Таких как печаль, беда, одиночество, несправедливость, душевная боль и т.п. Среди всех групп инвалидов чаще всего в пространстве простого символизма используется образ незрячего человека в силу наиболее выразительной и понятной его пластики. Слепой легко узнаваем наряду с безруким или безногим калекой. Образы инвалида, лишенные самоцельности и простого символизма, явление редкое и скорее присуще произведениям искусства по сути представляющим собой философское послание. Прежде всего к таким произведениям относятся работы М.В. Нестерова, в которых образ больного представляет собой символ силы духа.

Ключевые слова: слепота, образ незрячего, социальные стереотипы, потенциальные возможности лиц с отклонениями в развитии

Sorokin V.M. St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
E-mail: vombat54@mail.ru**SEMIOTICS OF THE IMAGE OF A BLIND PERSON IN THE SPACE OF FINE ART
(M.V. NESTEROV «IN RUSSIA: THE SOUL OF THE PEOPLE»)**

Psychology traditionally uses the method of analyzing the products of activity and their content side. Similar products are works of art, which are rarely the subject of psychological analysis other than the psychology of art. Unlike art criticism, the psychological analysis of works of art is aimed at reproducing the very process of creating a pictorial, sculptural or literary work. Art itself is capable of penetrating deeply into the phenomena of the psychic and in a number of cases makes it more effective than psychology itself. So the sphere of feelings, relationships and personality are studied in art more comprehensively than in the sciences of man. The appeal of psychology to the analysis of works of art is the interaction of two forms of cognition - emotional-figurative and categorical-conceptual. In this sense, it is logical to address the psychology of dysontogenesis to the analysis of the artistic representation of the attitude of society towards persons with developmental disabilities. The article shows that the art often refers to the image of a sick person. The motives for such treatment can be very different. But most often they are associated with the implementation of simple open symbolic images that are well understood by the viewer. Such as sadness, misfortune, loneliness, injustice, heartache, etc. Among all groups of disabled people, most often in the space of simple symbolism, the image of a blind person is used because of the most expressive and comprehensible plastics. The blind man is easily recognizable along with the armless or legless cripple. The images of a disabled person, devoid of self-aim and simple symbolism, are a rare phenomenon and are more likely to be found in works of art that are essentially a philosophical message. First of all, such works include works by M.V. Nesterov, in which the image of the patient is a symbol of the strength of the spirit.

Keywords: blind, blind way, social stereotypes, the potential of persons with developmental disabilities

С.Р. Рубинштейн справедливо указывал, что психология далеко не единственная наука, изучающая феномены психических явлений. Наряду с ней изучением психики в разных аспектах изучает множество наук, к числу которых можно отнести психиатрию, неврологию, нейрофизиологию, лингвистику, педагогику,

юриспруденция, социологию, историю и многие другие. Именно с этими науками формируются наиболее тесные межпредметные связи. Связь психологии с искусством определяется так же тем, что разные его формы прежде всего исследуют эмоции человека, его личность и мотивы поведения.

По справедливому замечанию В.П. Зинченко, в изучении эмоций и личности искусство и в особенности литература несомненно обогатит психологии, а многих выдающихся писателей, художников, музыкантов и режиссеров без преувеличения можно отнести к разряду талантливых психологов. Связь психологии с искусством реализуется через интеграцию психологии и искусствоведения, реализующуюся в психологии искусства.

Феномен нарушенного развития весьма богато представлен на уровне не только научного, но и обыденного и художественного сознания. Для клинической психологии важной проблемой является исследование содержания и соотношения внешней и внутренней картин болезни, которые представляются едиными, но нетождественными. В изобразительном искусстве в образе больного человека внешняя и внутренняя картины заболевания представлены как единое целое, где субъективные переживания спроецированы на видимые симптомы патологии. Кроме того, в этой внешней симптоматике находят свое отражение жизненный путь личности и привозможание трудностей и ударов судьбы как это, например, можно видеть в портрете О. Родена. «Человек со сломанным носом».

Проблемой нарушения творческой деятельности и семиотическими характеристиками образа больного человека по большей мере занимаются клиницисты [2], [3], [4], [8], [12], искусствоведы [1], [5], [9], [10], [13], социологи [15] и отчасти психологи и педагоги [6], [7], [14].

Представители специальной психологии весьма редко обращаются к изучению художественных репрезентаций нарушений психофизического развития, считая подобные воспроизведения ненаучными и, следовательно, неадекватными.

Вместе с тем в научном сознании бытует точка зрения, что произведения искусства и литературы в изображении инвалидов точно воспроизводят социальные установки общества по отношению к ним. На интуитивно-эмпирическом уровне это положение кажется сколь очевидным, столь логически трудно доказуемым. Именно поэтому его чаще всего используют в качестве аксиомы.

Художественные образы людей с отклонениями в развитии представляют собой определенные попытки не только охарактеризовать их социальное положение, но и проникнуть в их психологию. В этом отношении богатый литературный и живописный материал представляет собой особую форму существования психологии дизонтогенеза, к великому сожалению, еще так мало востребованный современными исследователями.

В специальной психологии и педагогике интерес к содержанию художественных образов инвалидов в литературе и искусстве, в последнее время возрастает в связи с появлением весьма интересных и глубоких исследований по истории специального образования в России и за рубежом [7]. Кроме того, в последнее время проблемы «особого человека» (людей с ограниченными в отношении здоровья возможностями) весьма активно исследуются в кинематографе, прежде всего — американском, меньшей степени — в европейском и практически остаются не затронутыми в отечественном кино, что выразительно отражает безразличное отношение современного российского общества к инвалидам. Это особенно показательно в связи с тем, что идея акцента на сохранных возможностях инвалида была высказана в искусстве раньше, чем в области научного сознания. В психологии впервые эта мысль прозвучала в исследованиях Г.Я. Трошина [11], который неоднократно отмечал, что в ненормальности ребенка люди видят только болезнь, в то время как имеется колоссальное количество областей, не затронутых ею.

Классическим примером художественного анализа психологии слепого человека можно считать повесть В.Г. Короленко «Слепой музыкант», подвергнушая весьма резкой критике незрячего философа А.И. Щербины. Думается, что эта критика верна только в частных и не самых важных деталях. Повесть посвящена становлению личности незрячего молодого человека, развитию его нравственного сознания, жизненного самоопределения, в конечном счете, проблемам его воспитания. Слепота выбрана писателем как условие, при котором подвергаются испытаниям сила человеческого характера, любовь, способность в взаимопомощи. Подчеркнем, что это только условие, вместо слепоты

могли быть голод, глухота, сиротство, война и пр. Для В.Г. Короленко мир чувств человека, его отношений с другими людьми не может быть специфичным при слепоте. Он един для всех. В этом смысле идея общности закономерностей психического развития в норме и при наличии патологии по праву принадлежит не только психологу Г.Я. Трошину, но и писателю В.Г. Короленко.

Глаза человека – одна из наиболее выразительных деталей его внешности, а взгляд – важнейшее паралингвистическое средство общения между людьми и, вместе с тем, древнейший, в филогенетическом смысле, канал коммуникации. Именно поэтому патология глаз и нарушение зрения особенно привлекают внимание окружающих. В этом отношении слабозрение и слепота справедливо рассматриваются не только как форма нарушения познавательной деятельности человека на уровне чувственного познания, но и как серьезный косметический дефект.

Видимо, в силу этого в живописи и скульптуре слепота отображается чаще остальных форм инвалидности, так как обладает особой пластической выразительностью и связанным с ней определенным набором представлений об особенностях внутреннего мира слепых. Эти представления по большей мере предрассудочны, продуцируются обыденным сознанием и мало изменчивы, в отличие от динамики научных представлений в тифлопсихологии. На этот факт указывал еще в конце XIX столетия один из выдающихся русских психологов – Г.И. Челпанов. Попутно отметим, что художественная литература, в отличие от живописи, чаще обращается к воспроизведению людей с ментальными и поведенческими нарушениями. Редкое, хотя и не единичное исключение, представляет повесть В.Г. Короленко «Слепой музыкант», упомянутая выше.

В подавляющем большинстве случаев образ человека, лишенного зрения, представлен как символическое воплощение незащитности, страдания, одиночества, несправедливости, нищеты. Очень часто незрячие изображены в качестве народных сказителей, бродячих музыкантов и певцов, людей, просящих подаяния или погруженных в глубокие рефлексивные, близкие к трансу раздумья.

При всей схожести символистской трактовки образов незрячих, сказанное не означает, что они лишены черт индивидуальной неповторимости, скорее, напротив. Просто образ незрячего, с точки зрения решения идейных, художественных задач, воплощения авторского замысла, весьма удобен для однозначного воздействия на нравственное и эстетическое сознание зрителя.

Говоря о стереотипной самоцельности образа слепого нельзя не отметить весьма важную черту его семиотики, в прочем свойственную изображению и других форм инвалидности. Мы имеем ввиду такую характеристику как бездомность. Инвалид изображается чаще всего вне дома или в пространстве нежилого помещения – чердак, подвал и пр. Он может оказываться в доме, но чужом. При этом дом понимается не только как строение с внутренними помещениями, но и как социальный институт, опора человека, где он обретает опыт и тесные личные отношения и где сам выступает опорой этого дома. Бездомность часто выражается либо в обездвиженном состоянии образа инвалида, либо в его движении не имеющем цели, а определяющимся какой-то безысходностью, толкающей его в спину как это можно видеть на картине П. Брейгеля «Слепые»

Безусловно, в этом ряду есть определенные и весьма выразительные исключения, к сожалению, крайне редкие, ломающие все каноны изображения и трактовки образа незрячего. В них слепота – не синоним несчастья, не причина страдания. Она несет куда более серьезную смысловую, мифологическую, метафизическую и социальную нагрузку. Хрестоматийным примером здесь может выступать картина великого фламандского художника Питера Брейгеля Старшего «Слепые, или Притча о слепых» (1568 г.), обращающая нас к старинной библейской притче, мораль которой, по сути, не имеет прямого отношения к незрячим.

В этом же ряду стоит картина М.В. Нестерова «На Руси. Душа народа» (рис. 1).

На этом полотне слепой представлен совсем не для того, чтобы вызвать жалость, сострадание и переживание несправедливости. Автор ставил совсем иные задачи. На его картине слепой выступает в особом качестве – он повествует о судьбах родины в трагические

моменты ее истории. В таком контексте образ слепого приобретает совершенно иной смысл, далеко выходящий за пределы физического недуга.

Картина М.В. Нестеров (1862–1942 гг.) «Христиане», которая позже получит название «На Руси (Душа народа)», – одно из монументальных, трагико-эпических произведений художника. М. В. Нестеров работал над этим полотном с 1905 по 1917 гг., в наиболее драматичный период новейшей истории России. В этой работе отражаются его способности не только как гениального художника, но и как прозорливого философа, мыслителя, для которого судьба России неотделима от собственной жизни. Творец пытается ответить на вопросы: «кто мы? откуда мы? куда идем?»

Сюжет картины воспроизводит многолюдье крестного хода. Но это шествие символическое, ибо в нем объединены персонажи из разных периодов русской истории. Художник показывает Россию во всей ее духовной и интеллектуальной мощи. Христос на картине присутствует лишь в виде старинной потемневшей иконы Спаса. Справа обращает на себя внимание «христова невеста» с горящей свечой в руке. Там же, в группе женщин в белых холщовых паневах, – «христа ради юродивый» – человек, добровольно принимающий облик умалишенного, чтобы жить по закону правды. Вместе с народом идут Л.Н. Толстой, Вл. Соловьев, А.А. Блок, Ф.М. Достоевский. За фигурой последнего помещен его герой Алеша Карамазов. Шествие движется вдоль берега Волги. М.В. Нестеров выбирает именно эту реку, напоминая о том, какую великую роль она играла в истории России. Перед толпой, намного опередив ее, идет мальчик в крестьянском платье с котомкой за плечами и с расписным туеском в руке. Это смысловой центр картины. Художник словно говорит словами Евангелия: «Не войдете в царство небесное, пока не будете как дети». Именно ребенок оказывается самым совершенным выражением души народа.

На картине гениального живописца нет ничего случайного. Каждая деталь имеет определенное значение. Не случайным можно считать и то, что на переднем плане, где, как правило, располагаются персонажи, несущие основную смысловую нагрузку, помещен образ не Спа-

сителя или одного из писателей и мыслителей. Здесь мы видим ослепшего солдата в шинели образца первой мировой войны, которого ведет за руку сестра милосердия. Стало быть, слепой солдат – главный персонаж этого многофигурного эпического полотна. Очевидно, автор хотел связать исторические времена воедино, прошлое с настоящим и будущим. В этом смысле слепой солдат и сестра милосердия — прямое указание на время настоящее (первая мировая война). Но, видимо, это не просто иллюстрация к современным художнику событиям. В подготовительных рисунках первоначально фигурировал солдат с ампутированной ногой, но автор картины остановился на образе слепого солдата придавая этой форме ранения особый смысл.

Интересно, что на ранних эскизах картины М.В. Нестеров поместил на месте слепого солдата двух незрячих девушек. Но от этого варианта он отказался, ибо это снижала ощущение эпичности картины и вносила элемент лиризма. Важно при этом другое – женщина инвалид встречается в произведениях искусства значительно реже мужских персонажей, что представляется далеко неслучайным (рис. 2).

Образ сестры милосердия в его визуальном построении читается весьма однозначно. Конечно, это ангел-спаситель, художественное воплощение идеи непобедимости добра и вечного служения ему. Незрячий солдат — сложный и многозначный образ, символизирующий, прежде всего, бескорыстие и жертвенность в служении отечеству, стойкость, мужество и душевную силу, не дающую пасть духом даже в отчаянной ситуации, и, наконец, подвиг, но не возвышающий героя над народом, а еще сильнее сплывающий его с ним. И только в этом единстве разных людей, в соборности сила России.

Слепота у М.В. Нестерова означает не слабость и разъединенность, а силу единства, не дающую человеку сбиться с пути и погибнуть. Как образ самого солдата, так и эмоциональный тон картины проникнуты мощными нотами жизнеутверждающей уверенности в силе и вечности Руси.

Интересно отметить, что композиционно фигуры ребенка, юродивого и слепого воина образуют равнобедренный треугольник, так сказать, триединое начало русского исторического бытия — прошлое, настоящее и будущее.

Рисунок 1 – Картина М.В. Нестерова «На Руси. Душа народа»

Рисунок 2 – Ранний эскиз картины М.В. Нестерова «На Руси. Душа народа»

В основе его лежат православная вера, народность и духовное наследие, вместе с упомянутыми выше фигурами образующее крест, который символизирует идею богоизбранности русского народа.

Традиционно художественные изображения незрячих рассматривают как репрезентацию социально-психологических установок общества по отношению к инвалидам. В работе М. В. Нестерова, в отличие от большинства случаев, когда в подобных произведениях скорее эксплуатируется выразительная пластика слепого, создан подлинно художественный образ, позволяющий подняться над его обыденным

видением. Незрячего часто изображают на фоне яркого в чувственном отношении мира, которого он не может видеть и, связи с которым он лишен. Для М.В. Нестерова важна не форма природы, а ее содержание. В этой связи связь человека с миром носит не чувственный, а метафизический характер. Поэтому слепота не может разрушить единство человека и природы. Эта картина представляет собой подлинно этико-философское произведение, созданное в форме послания и тем самым, занимает особое место в современном визуальном дискурсе о природе человеческой инакости.

11.12.2017

Список литературы:

1. Давыдова, О.С. Человек в искусстве. Антропология визуальности / О.С. Давыдова. – М., 2015.
2. Дворецкий, Л.И. Живопись и медицина / Л.И. Дворецкий. – М., 2010.
3. Дворецкий, Л.И. Музыка и медицина / Л.И. Дворецкий. – М., 2014.
4. Ерышев, О.Ф. Личность и болезнь в творчестве гениев / О.Ф. Ерышев. – СПб., 2015.
5. Эко, У. История уродства / Умберто Эко. – М., 2017.
6. Кривцун, О.А. Психология искусства / О.А. Кривцун. – М., 2016.
7. Назарова, Н.М. Специальная педагогика в 3т. / Н.М. Назарова, Г.Н. Пеннин. – Т. 1. – М., 2007.
8. Нечепоренко, В.В. Психическая патология и творчество / В.В. Нечепоренко. – СПб., 2015.
9. Райгородский, Л.Д. Питер Брейгель. Слепые / Л.Д. Райгородский // Вестник СПбГУ. – Сер. 15. – 2013. – Вып. 3.
10. Сидорова, В.В. Культура образа / В.В. Сидорова. – Харьков 2017.
11. Трошин, Г.Я. Антропологические основы воспитания / Г.Я. Трошин // Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей: В 2 т. – Пг, 1915.
12. Хайкин, Р.Б. Художественное творчество глазами врача / Р.Б. Хайкин. – СПб., 1992 Ефремов В. Психопатология в литературе и в жизни. СПб., 2010
13. Хорди Виге Мелисса Рикеттс Медицина в искусстве. М., 2009
14. Шипицына Л.М. Сорокин В.М. Специальная психология. М., 2017
15. Ярская-Смирнова Е.Р. Э.К.Наберушкин Социальная работа с инвалидами. СПб., 2004

References:

1. Davydov O. The man in the art. Anthropology visuality. M. 2015 butler
2. LI Arts and medicine. Moscow, 2010
3. Butler LI Music and medicine. M. 2014
4. Eryshev OF Personality and illness in the work of geniuses. SPb., 2015
5. History of ugliness. Etc. Umberto Eco. M., 2017
6. Krivtsun OA Psychology of art. M., 2016
7. Nazarova NM Pennine GN Special Education in 3tt., 1e 1M., 2007
8. Necheporenko VV Psychopathology and creativity SPb. 2015
9. Raigorodskii LD Pieter Brueghel. Blind. St. Petersburg State University Bulletin. Ser. 15. 2013. Vol. 3
10. Sidorov V. image culture. Kharkov 2017
11. Troshin GY Anthropological foundations of education. Comparative psychology of normal and abnormal children: In 2 t. Pg. 1915.
12. Haykin RB Artistic creation medical eyes. SPb., 1992Efremov V. Psychopathology in literature and in life. SPb., 2010
13. Jordi Vigo Ricketts Melissa Medicine in art. Moscow, 2009
14. LM Shipitsina Sorokin VM Special psychology. M., 2017
15. larskaia-Smirnova ER E.K.Naberushkin Social work with people with disabilities. SPb., 2004

Сведения об авторе:

Сорокин Виктор Михайлович, доцент кафедры специальной психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат психологических наук
E-mail: vombat54@mail.ru

Sorokin Victor Mikhailovich, Associate Professor of the Department of Special Psychology, Faculty of Psychology, St. Petersburg State University, Candidate of Psychological Sciences
E-mail: vombat54@mail.ru